

НЕМЕЦКОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ

Поволжские колонисты.

I.

До царствования императрицы Екатерины II заселение русских окраин подвигалось довольно туго. Совсем безлюдными стояли громадные пространства не только в отдаленных областях Сибири и Кавказа, но даже в ближайших к центру губерниях Астраханской, Белгородской и Оренбургской было много местностей, лежащих «впусте». Как видно из составленного сенатом перечня¹⁾, несмотря на переселение в 1760 г. из провинции Архангелогородской, Устюжской и Вятской до двух тыс. семей государственных крестьян в Сибирь и тысячи «российских подданных» на устье р. Большого Иргиза, — оставались незаселенными еще несколько сот тысяч десятин «плодоносных» земель с лесами, реками и рыбными ловлями близ г. Тобольска, на Барабинской степи, и в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и Иртышу с их притоками. Кроме того, показывались пустовавшие местности: в Валуйском уезде, Белгородской губернии, по речкам Журавке, Деркулу, Битке и Осколу для поселения «несколько сот дворов», в губернии Оренбургской, по р. Сакмаре, в 40 вер. от Оренбурга, да вниз реки Самары до р. Кинели и ниже г. Самары по Волге до устья реч. Иргиза — на несколько тысяч семей: и, наконец, в Астраханской: от Саратова вверх по Волге же урочище Раздоры, «где р. Караман разделяет свое течение надвое», у р. Теляузике «при довольно пахотной земле», сенокоса 5475 дес. А дровяным и годным к строению лесом на 4467 десятинах; при урочище Зауморской Рвойке сенокоса 810, леса 1131 дес., на реч. Титане первого – 469, второго – 496 дес., при речках: Вертубани – сенокоса 2979 и годного к строению леса 3627 дес., Бол. Иргизе – 5418 дес. сенокоса, 2575 дес. лес., Санзалее – 1789 и 1711 дес., Березовке – 1325 дес. сенокоса и 1606 дес. лес., и Мал. Иргизе – сенокоса 731, леса 712 дес. От Саратова вниз по Волге, ниже речки Мухар-Тарлика, при довольно пахотной земле, имелось сенокосных мест 6366 дес. и леса дровяного и к строению годного 943 дес.; подле реч. Безымянной 962 и 609 дес., по реч. «Меньшему» Тарлику сен. 3509, лес. 840 д., у Бол. Тарлика – 4122 и 2118 дес., между последним и р. Каменным Буераком сенокосов 3433, лесов 1828 дес.; при той же речке – первого 1751 и второго 2254 дес., по Еруслану – 1724 и 523 дес., при устье Нижнего Еруслана 1770 и 1104 дес. и на р. Яблонном Буераке сен. и леса 4003 дес. А всего по ведомости определялось в Астраханской губернии «способных и угодных к поселению» мест более 70 тыс. десятин.

Сначала Манифестом 19 июля 1762 года предложено было возвратиться в «свое отечество» укрывавшимся в королевстве Польском и княжестве Литовском подданным нашим, особливо из крестьянства, с освобождением их от наказания за учиненные побегии. Когда же «многие иностранные, равным образом и отлучившиеся из России наши подданные били челом, чтоб мы им позволили в Империи нашей поселиться», то следующем Манифестом 4 декабря того же года было объявлено: «не только иностранных разных наций, кроме жидов, благосклонно с Нашею Императорскою милостью на поселение в Россию

---

¹ Присланного в Астраханскую губернскую канцелярию при указе 14 Декабря 1762 г. и озаглавленного: «Реестр определенным к поселению выходящим из-за границы российским раскольникам порожним местам».

приемлем, но и самим до сего бежавшим из своего отечества подданным возвращаться соизволяем»²).

Вследствие этого и последовавшего 14 декабря сенатского указа, намечавшего пустопорожние земли, которые желало заселить Правительство, в следующем году первыми прибыли в Россию из Польши бежавшие туда раскольники. Они облюбовали самые лучшие и укромные урочища Нижнего Поволжья, на левой стороне Волги, по берегам реки Большого Иргиза, где на протяжении более 60 верст устроили четыре поселения; вверх по Иргизу, на острове омываемом озером Калач, с дозволения саратовской воеводской канцелярии основал скит некто Исакий, именовавший себя священником, «с братиею» из 25 иноков; в двух верстах от него, на берегу того же озера, с разрешения управляющего дворцовыми крестьянами, водворились под началом инокини Маргариты монашествующие сестры, разбросанные по окружности отдельными кельями; на 15 верст ниже по Иргизу, около слободы удельного ведомства Мечетной, поселился иеромонах Пахомий с 17 товарищами; еще ниже в трех верстах выстроили свои кельи старица Анфиса с сестрами и, наконец, в 45 вер. от последних, на самом устье Иргиза, близ слоб. Криволучье³), завел свой скит старец Авраамий.

Первое время новые поселенцы пользовались землями и угодьями «обще» с указанными слободами, будучи уволены на 6 лет от всяких повинностей, и только в 1797 году, когда количество скитских иноков возросло до 165 человек, высочайшим указом 31 августа, их освободили навсегда от повинности рекрутской с наделением до 11 тыс. десятин хорошо сбереженного леса по двум рекам с богатыми рыбой озерами.

Оставалось свободным еще громадное пространство плодородных со всякими угодьями земель по обеим сторонам Волги от Иргизского устья до Сарпинского острова, растянувшегося на протяжении 12 верст ниже Царицына. Должно быть, охотников из русских крестьян заселить эти благодатные места не нашлось в то время, что правительство не только бесплатно пожертвовало их выходцам из различных европейских стран, но даже снабдило последних деньгами, лошадьми, семенами и прочим инвентарем для необходимого устройства их на новых местах.

Первое время на местах управляли колонистами комиссары, но в 1766 году открыли в Петровске и Саратове отдельные конторы «межевых дел к поселению иностранных», из коих при каждой, очевидно, на случай провожания поселенцев в область водворений, находились особые отряды из 70 казаков волжского войска во главе с походными атаманами и прочей «старшиною». Кроме того, еще 40 человек тех же казаков наряжалось в Саратов «для охранения поселявшихся иностранцев от разбойнических нападений»⁴). Так оберегало покой иностранцев наше правительство!

Помимо добровольно приходивших поселенцев, желавших обеспечить свое незавидное положение в благодатной России, большая половина колонистов была завербована без всякого разбора нарочито посланными за границу комиссарами, которые, обещанием разных вольностей и преимуществ,

---

² Кроме манифеста 4 декабря, то же подтверждалось еще манифестами 13 мая и 22 июля 1763 г.

³ Обе эти слободы, по-видимому, основались после сенатского указа в 1760 году из тысячи переселившихся туда семей удельных крестьян.

⁴ Из месячного «рапорта» войсков. атамана Макара Персидского астраханскому губернатору 6 марта 1767 года.

привлекли множество людей ни к чему негодных, представлявших собой обнищавший и нравственно-распущенный сброд. Тут были офицеры, художники, студенты, ремесленники, купцы и даже бежавшие от наказания преступники.

В зависимости от способа их вербовки, колонисты делились на две основные группы: так называемых «коронных», которые были приглашены правительственными агентами, и «вызывательских», кои устраивались сами, под руководством ими же избранных посредников.

В течение каких-нибудь 4-5 лет они переполнили Нижне-Поволжский край, заняв без остатка все те урочища, которые сенатским указом 14 декабря 1762 г. предназначались для поселения русских выходцев из Польши и Литвы. Как можно судить по ведомости, составленной 9 марта 1769 года, Канцелярией Опекунства иностранных⁵) было переселено их сюда 6434 семьи в количестве 12145 душ муж. пола и 10964 д. жен., которые основали по обеим сторонам Волги 104 селения.

Из них «коронные» заняли нынешние уезды: Аткарский, Камышинский и Саратовский, в числе 2747 семей «способных» и 199, «по свидетельству» самих жителей, неспособных, с 10984 колонистами всех возрастов и полов. Скота у них исчислялось: лошадей 6647 гол., волов рабочих 370, коров и телят 6610, овец 2013 и свиней 816. «Из нажатого в прошлом лете хлеба по перемолоте» было 34691 четв. 1 четк.; прошлой осенью посеяно ржи 6264 четв. 1 ½ четк. Построено для них правительством на счет казны 2186 домов жилых, 1184 амбара и 1458 конюшен.

Из этого числа 629 способных и 97 неспособных семей с 2647 поселенцами основали в течение 1764-66 гг. в уездах Аткарском и Саратовском колонии: Гречиную Луку, Луговую Грязнуху, Звонаревку, Звонарев Кут, Краснояровку, Крестово-Медведицкий Буерак, Песковатку, Подстепную, Старицу, Телязу, Усть-Караман и Ягодную Поляну. Но поселения в Камышинском уезде почти все были переименованы колонистами на немецкий лад.⁶ Селение Буйдаков Буерак или Кулалы, где поселились германские лютеране, было названо «Шваб». Верхняя Добринка получила название «Дрейшпиц»; хотя в ней были выходцы из Пруссии, Швеции, Швейцарии, французы и даже поляки, но все потом слились в одно немецкое начало с лютеранским исповеданием. Верхнюю Кулалинку такого же верования поселенцы разных стран прозвали «Гольштейн». Гессен-дармштадские лютеране переделали селение Водяной Буерак в колонию «Штефан». Гнилушку или Пфейфер заняли католики из Бадена и Вюртемберга; Гололобовку (старую) основали лютеране последнего и Шлезвиг-Гольштейнские, прозвав ее «Денгоф». Те же поселились еще в Голом Карамыше, названном «Бальцер» или Панцырь, в Грязнухе (Верхней) — по-немецки «Крафт». Католики из Баварии, Саксонии, Эльзаса, Лотарингии и других прирейнских провинций основали Елшанку, прозванную «Гусарами», ибо там была поселена часть греков из отставных солдат гусарских полков; Иловлю, она же Резовка, или «Лейхтлинг», Каменку и Караульный Буерак — «Келер» тоже, Колонии Ключи — «Моор», Крестовый Буерак (попросту Кресты) — «Миллер», Линево Озеро, а по-немецки «Гуссенбах» или Устенбах, Лесной Карамыш — «Гримм», и Нижнюю Добринку образовали лютеране из мелких германских княжеств; только в

---

⁵ Труды Саратов. учен. архив. комиссии, 1889, т. 2, вып. 1, стр. 176.

⁶ В действительности немецкие названия колонии получили при их основании и лишь позже, по указу Канцелярии опекунства иностранных от 26 февраля 1768 г., немецким колониям были даны русские наименования. — Прим. А. Шпак.

Карамыше было несколько французов, да в Добринку пробрались баптисты. Норку взяли реформаторы. Пановка, или «Гильдман» приютила католиков из Гессен-Дармштадта. В Поповке (Бреннинг или Нейман) и Севастьяновке (Антон тоже) устроились кальвинисты из Германии и Швейцарии. Семеновку заселили католики, Сосновку или «Шиллинг» — лютеране и Сплавнуху — «Гук», реформаторы из германских земель. В Таловке (Бейдек) были поселены саксонские лютеране, в Усть-Грязнухе (Нижней), иначе «Гебель», католики австрийские и в Усть-Золихе — «Мессер» — реформаторы и частью германские баптисты. Последние с лютеранами завели еще Усть-Кулалинку (Нижнюю), названную ими «Галкой», и Щербаковку. Никто из них не утратил ни исповеданий, ни языка своего; многие даже до сих пор не научились говорить по-русски, за исключением елшанских греков, которые обрусели теперь совсем и забыли давно родное наречие.

В том же уезде поселилась и часть «вызывательских» колонистов, прибывших в Россию по «вызову» какого-то «де-Боера с товарищами»⁷. Очевидно, судя по фамилии, он принадлежал к французской национальности, однако большая половина собранных им поселенцев происходила из Бадена, Гамбурга, Дрездена, Пфальца, Мекленбурга, Вюртемберга, Саксонии и только немногие из эльзасцев и поляков замешались среди них. Выходцы католического исповедания заняли Верховье (Зеевальд) в количестве 134 душ об. п., Грязноватку, иначе Шух, 124 чел., Каменный Овраг, или Деготт, 42 д., Копенку, она же Луговой, а по-немецки Фольмер, 177 чел., и Памятную, или Ротгаммель с 107 душ., в числе коих было много французов. Также в колонии Россоши, известной среди русских жителей под именем «Французы», основались исключительно французские эмигранты с частью поляков, в числе 169 душ, однако потом соседнее лютеранство подчинило их себе и совершенно онемечило, с утратой ими языка, характера, одежды и обычаев предков.

Все они имели к 1769 году 403 семьи способных и 31 неспособных, мужского пола 863, женского 723, лошадей 877, волов рабочих 159, коров с телятами 927, овец 58, свиней 83, обмолоченного хлеба 4489 четв. 6 четк., посеянной ржи 820 четв. 3 четк., построенных казной жилых покоев 269, амбаров 95 и конюшен 85.

Другой отряд «вызывательских» барона де-Борегарда занял урочища по левой стороне Волги в нынешнем Новоузенском уезде. Тут были заядлые немцы, показывавшие с первых же дней своего сюда перехода полную германскую обособленность. Из 27 основанных ими селений, только шесть носили русские названия: Баратаевка⁸), Баскаковка (очевидно, по фамилии председателя канцелярии опекунства иностранных Василия Баскакова), Орловская (в честь, должно быть, гр. Орлова), Паульская (видимо, в честь царевича Павла Петровича), Панинская (по имени государственного канцлера гр. Ник. Ив. Панина, очень много способствовавшего делу переселения колонистов в Россию)

---

⁷ Так ошибочно указано в «Трудах СУАК» (1889, т. 2, вып. 1, с. 181), на которые ссылается автор. В данном случае речь идет о вызывателе Дебофе (de Boffe). – Прим. А. Шпак.

⁸ Очевидно, в честь какого-нибудь из Баратовых. Фамилия эта грузинская. В России она начала свое существование с 1724 года, когда, вместе с царевичем Вахтангом Леоновичем прибыл князь Мельхиседек (Михаил) Баратов. Он имел 4-х сыновей: Петра (бывшего в 1777-1789 гг. Симбирским губернатором), Ивана (Саратов. губер. предводитель дворянства с 1804 по 1807 г.), Семена (Казанск. губернатор, 1789-1796 г.) и Андрея.

Авто статьи П.Л. Юдин неверно трактует происхождение названия колонии. В действительности по указу от 26 февраля 1768 г. о наименованиях немецких колоний колония Беттингер получила название Баратаевка по фамилии окружного комиссара Баратаева. – Прим. А. Шпак.

и Резановка. А остальные все были окрещены на немецкий «штиль» в воспоминание прежних своих местечек и городов, откуда они вышли. Так произошли в Заволжье: Базель, Борегард (в память самого вызывателя), Боаро, Брокгаузен, Гоккерберг, Екатериненштадт (в честь императрицы Екатерины II), где находилось средоточие управления колонистами этой партии и жил сам барон де-Борегард⁹, почему с той поры до настоящего времени селение это, имевшее при основании 812 душ поселенцев, а теперь около 11 тыс. об. п., известно более под именем Баронска.

Дальнейшие названия колоний идут в таком порядке: Золотурн, Кано, Кларис [Гларус], Люцерн, Нидер-Монжу, Обер-Монжу, Сусаненталь, Филиппсфельд, Унтер-Вальден, Цезарсфельд, Цуг, Цырх [Цюрих], Шафгаузен и Эрнестинендорф.

Отряд этих селений состоял из 1357 способных и 166 неспособных семей с 2820 поселенцами муж. п. и 2470 жен. п. Хотя им, как и прочим колонистам, были отпущены обычные на подъем и обзаведения суммы по 250 руб. на каждую семью (не считая расходов на перевозку), но лишь немногие успели обзавестись достаточным количеством скота и сельскохозяйственных приспособлений. В 1768 г. насчитывалось у них лошадей 3139 голов; рабочие волы имелись в 4 селениях 22 штуки, коров и телят было 1588 гол., овец в 2-х колониях 40 и свиней в 3 поселениях 65-ть. В 10 колонках оказалось обмолоченного хлеба лишь 2792 четв. 3 четк., а остальные довольствовались казенным пайком. Ржи засеяли они 3737 четв. 5 1/2 чек., т. е. менее четверти на душу. На все количество семей успели построить жилых покоев 901, а в колонии Унтер-Вальден не было еще ни одного дома. Амбаров существовало в 9 колониях — 390, конюшен в 11 селен. 473.

Последняя группа колонистов вызова Леруа и Питета, преимущественно католического исповедания, заняла 28 урочищ частью в Николаевском, но больше в Новоузенском уездах, давши им исключительно русские наименования, из которых немногие приняли потом немецкие клички. Официально назывались они так: Березовка, Вольская (ныне Вейценфельд¹⁰), Зауморье, Казицкая, Кочетная, Краснополье, Краснорыновка, Крутояровка, Кустарева, Липовка, Липовый Кут, Осиновка, Отроговка, Поповка, Привольная иначе Варенбург, названная, видимо, потому, что здесь имели пребывание организаторы партии и в ней было больше жителей 149 семей с 524 душ. об. п.; Раскаты, Ровная (имевшая сначала 229 поселенцев, а ныне до 8 тыс., с довольно обширной хлебной пристанью), Скатовка, Степное, Суслы, Тарлыковка, Тарлык, Тонкошуровка, Хайсоль и Яблоновка.

Способных семей в этой группе было 1347, неспособных 183, с 2792 посел. муж. п. и 2547 жен. п.; лошадей 3179, волов 153, коров и телят 2427, овец (в 7 селен.) 78, свиней (в 7 колонках) 55; намолоченного хлеба 4533 четв. 1 четк., засеянной осенью ржи 3803 четв. 7 1/2 четк.: жилых строений 1204, амбаров 417, конюшен 628.

Таким образом, на всех 5854 способных и 579 неспособных семей с 23109 обитателями¹¹) приходилось 4860 жилых «покоев», благодаря чему в некоторых домах и хатах должны были поместиться по 2-3 семьи с 5-6 чел. в одной комнате. При таком положении, конечно, не могло быть и речи о возведении на первых

---

⁹ Барон де Кано де Борегард не жил в Екатериненштадте, т.к. он никогда даже не был в Поволжье. – **Прим. А. Шпак.**

¹⁰ Здесь автор явно ошибается. Вольская – это Кукуус, а не Вейценфельд. – **Прим. А. Шпак.**

¹¹ Кроме того 77 мужчин и 60 женщин проживали в г. Саратове.

порах каких-либо более солидных сооружений для удовлетворения религиозных и духовно-просветительных потребностей этих выходцев, едва ли в полной мере пользовавшихся ими и на своей родине, как уверяет в своей брошюре «Наши Колонии» (СПб, 1869) А. Клаус, показывая почти во всех колониях Камышинского уезда существование немецких школ и лютеранских кирок с первых дней основания их в 1764-66 гг. Между тем в архивных документах указывается неопровержимо, что только летом 1768 года было построено в колонках четыре магазина «для поклажи», да две кирки с пасторскими домами и школами¹²).

По закону 19 марта 1764 г. новых поселенцев обеспечили всякими преимуществами и вольностями, каких не имели коренные жители. Их освободили «на вечно» от повинностей рекрутской и военно-постоянной, дали на 6 лет льготу от всяких иных обязанностей и, кроме казенного вспоможения, наделили по 30 дес. на семью, что на всех составило довольно солидный клочок в 192,930 дес. Поэтому была захвачена не только вся земля, ранее показанная по приволжским берегам для новых поселений, но пришлось углубиться дальше — в Астраханские и Самарские степи и занять урочища, смежные с Донским войском, по рр. Иловле, Медведице и Карамышу, добавив слишком 130 тыс. десятин новых мест из участков дворцового ведомства, потеснив несколько уголья казаков донских и крестьян государственных.

Благодаря мотовству, праздности и разврату поселенцев и корысти ведавших делом колонизации местных властей, водворение их на Волге обошлось государству около 5 млн. руб., из коих 3 млн. руб. подлежали возврату в казну после 6 летней льготы со дня окончательного их устройства в 1769 году. Долга этого приходилось на каждую ревизскую мужскую душу свыше 250 руб. Наступил срок платежа, но колонисты ничуть не заботились о том, старались всеми мерами оттянуть уплату недоимок на неопределенное время. Одной из причин своего якобы тягостного положения выставляли они пугачевское возмущение. Но последнее совсем не коснулось заволжских поселенцев, а на правой стороне Волги шайки мятежников следовали по самому берегу через селения крестьян помещичьих и казачьи городки Волжского войска, задев только некоторые немецкие колонки. Более других пострадала находившаяся ниже Царицына, на Астраханском тракте, Сарепта. Тем не менее, правительство и на этот раз снизошло к ним своей милостью, отсрочив уплату долга до 1786 года, когда они были обложены годичным платежом по 3 руб. с каждого работника. Но дальнейшую колонизацию приволжских окраин такими туеядцами прекратило¹³), переселив в 1778 г. на оставшиеся после перевода на Кавказ Волжского войска земли уже 2000 семей неимущих экономических крестьян, которые были наделены только 15 десятинной пропорцией на душу.

После учреждения в 1780 г. Саратовского наместничества, канцелярия опекунства иностранных и подчиненная ей в Саратове контора с комиссарами были упразднены в 1782 г., а колонистов наравне с казенными крестьянами подчинили общим губернским учреждениям. Но и эта мера не понудила их к улучшению своего материального положения. Поселенцы жаловались на

---

¹² Нелишним будет отметить еще, что Клаус, а за ним А. Н. Минх (в «Истор.-геогр. словаре Саратов. губ.», т. I, стр. 417) утверждают первоначальное число поселенных на Волге колонистов в 8 тыс. семей с 27 тыс. душ. Однако, если прибавить даже 200 Сарептских поселенцев к числу, показанному в ведомости Опекунской Канцелярии, то и тогда не выйдет этого количества.

¹³ А. Н. Минх (стр. 417) уверяет, что «вызов и прием переселенцев из-за границы был временно приостановлен и вообще приток колонистов в Саратовское Поволжье совершенно прекратился, вследствие турецких и польских войн в 1770 году». Но, как увидим ниже, причина была другая: главным образом, туеядство, леность и беспечность колонистов.

различные злоупотребления и всяческие притеснения со стороны земских исправников и уездных судов. Чтобы отделить овец от козлиц, снова были устроены в 1797 г. конторы Саратовская и Новороссийская, подчиненные «Экспедиции Государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства», продержавшиеся до 1801 г., когда колонистов передали в ведение министерства внутренних дел, а с 1837 г. вновь учрежденному министерству государственных имуществ.

Назначенный с них 3-х рублевый сбор стал поступать немного исправнее лишь с 1797 года. Тем не менее к 1809 году за ними все еще оставалась громадная недоимка в 2,765,356 руб. Таким образом, за 23 года успели они уплатить только 234,644 руб., что в среднем приходилось менее 2 руб. на душу в лето. Однако, вместо настойчивых понуждений, какие обыкновенно предъявлялись к русским недоимщикам — крестьянам, правительство и тут отнеслось к ним весьма снисходительно, уменьшив дальнейшую уплату по 1 руб. в год с работника. Но лишь через 37 лет после этого, когда уже многие из прежних выходцев отошли в вечность, колонисты кое-как с грехом пополам погасили свой долг, числящийся за ними в продолжении 72 лет, хотя с ежегодно увеличивавшимся числом работников, благодаря приросту населения, платить им его за последний период было гораздо легче.

Более ста лет жили они на особливом льготном положении, под постоянным попечением центрального и местного начальств. В 1797 г. к ранее отведенным 30 дес. на каждую семью, дали им дополнительные наделы на вновь родившихся по 20 дес. на каждую ревизскую душу. В 1740 г. отмежевали еще по 15 дес. на душу по 8 ревизии. Однако у некоторых колонистов оказалось земли менее последней нормы. Тогда в такой же пропорции сделали им прирезки за р. Волгой в Новоузенской степи. Отвод дополнительных участков закончился в 1859 г., когда число саратовских колонистов достигло 52395 душ муж. и 49856 жен. п., так что пришлось добавить на прибылых еще 260 тыс. дес. не тронутых земель.

После этого правительство уже не наделяло их более из своего кармана. Тогда они стали прикупать участки сами, для чего приволжские немцы обложили себя пропорциональным сбором на составление особого капитала, который и до сих пор хранится в одном из существующих в России банков, только по названию именующимся «Русским». Земли покупались отдельными участками не менее 3 тыс. дес. в одном месте, чтобы можно было бы разом организовать тут целое селение в сто семей, и преимущественно в южной части России, потому что там зимы были короче и климат мягче. А это в сельском хозяйстве имело большое значение для аккуратных и расчетливых тевтонов.

Направлялись они преимущественно в Новоузенские степи, в губернии Оренбургскую и Екатеринославскую и в области Кубанскую и Терскую (на Кавказ). Иные стали переселяться даже в Южную Америку.

Особенно усилилось выселение после того, как по реформе 1871 г. их, под именем «поселян собственников», уравнили с русскими крестьянами и следом в 1874 г. распространили на них обязательное отбывание воинской повинности.

Последнее положение ударило их, как обухом по голове. Колонисты были уверены, что, переселяя на благодатные земли в дику «Московию» их предков, правительство закрепило за ними эту льготу «на вечно», т. е. на нескончаемые времена. По крайней мере, так высказывалось большинство их на словах, и в

таком же духе были поданы их представителями местным властям жалобы. Но начальство чином пониже весьма резонно разъяснило им этот вопрос.

— Пустые ваши башки, — говорили им становые, — конечно, на вечно! Ну, а век то сколько имеет лет?

—Сто...

— Считайте теперь: предки ваши перешли сюда в 1764 году, говорите вы, а теперь 1874-й год! Сколько же времени прошло с тех пор? Какие же вам еще льготы?!

Заядлые Новоузенские колонисты грозили уйти с насиженных мест в Европу, в Америку и действительно некоторые ушли. Но им отвечали спокойно.

— Пожалуйста! Мы даже рады будем...

Попрыгали, попрыгали они и остались по прежнему в «варварской» России.

Сильнее других проявилось злобствование среди поселенцев Екатериненштадта (Баронска), где был воздвигнут благодарными предками памятник императрице Екатерине II за ее материнское о них попечение. Современные потомки бранили на чем свет стоит царицу за то, что якобы она обманула их дедов, плевали на ее фигуру, бросали в нее грязью, палками, камнями. В своей злости культурные дикари дошли до того, что, как рассказывали мне, в одну из темных ночей обратили подножие памятника в отхожее место...

Увы, в свое время об этом факте писать было «можно»!..

II.

Попытки колонизации Кавказа Немцами.

Попытки западно-европейских предпринимателей к завладению природными богатствами Кавказа начались еще тогда, когда большая часть этого края находилась вне влияния русской власти и когда русское правительство не могло, конечно, помышлять о колонизации тамошних урочищ иноземными выходцами. Первым явился для этой цели туда какой то «доктор» Иван Вандин, неизвестной национальности. Как видно по перепискам Астраханского губернского архива, им был заключен с Канцелярией Опекунства иностранных контракт, коим «велено вызвать в Россию 200 семей иностранцев из Италии и других тамошних мест и привести их в Гамбург и Данеск»¹⁴).

Точного места для поселений этих выходцев Вандин не указал, и правительство было вполне уверено, что оснуется он с ними в тех приволжских урочищах Астраханской губернии, которые были предназначены для иностранной колонизации, но его товарищам, видимо, места эти были не подходящими, так как, вследствие климатических условий, там не представлялось возможности заниматься виноградарством, садоводством, разводить маслину, шелковичные деревья (тутовник) и проч., к чему более привычны были итальянцы. Поэтому он направился в южную часть Астраханского края, в состав которого входили тогда все наши владения на Северном Кавказе.

Сначала Вандин побывал в Астрахани, откуда с данным от губернской канцелярии «сношением», от 14 сентября 1765 года, отправился в Кизляр. Объехав в течение месяца передовую кавказскую линию до самого крайнего

---

¹⁴ Данциг, очевидно.

пункта наших владений по границе с Кабардой, Моздока, только что заведенного в 1763 году для поселения крещеных горцев, — он возвратился опять в Кизляр, где сообщил коменданту ген.-м. Потапову, что «место под поселение иностранцев им избрано», но где и на какое количество поселяемых, того почему то он не хотел сказать, ответив только: «а когда сколько-либо семей сюда приведет, тогда и об урочище назначенного им места, яко же и об отдаче ему одного для поселения колонии его, объявить имеет». При этом просил коменданта, «ради получения христиан-грузинцев и армян, отпустить его в Персию».

Такое требование было предъявлено им еще в Астрахани, поданным 1-го сентября в губернскую канцелярию «доношением». Но губернатор отказался исполнить эту просьбу без разрешения Канцелярии Опекунства иностранных, так как, по выданному ему из последней паспорту, он был «отпущен для некоторой надобности только во все российские города», а не за границу, и ему не было предписано вызывать «те народы».

По-видимому, имелась у него какая-то другая цель достичь этой страны за счет русской казны и с некоторыми от подлежащих властей полномочиями, хотя бы в виде правительственного разрешения или паспорта, а также назначения соответствующего конвоя для его провожания по беспокойным чеченским и кумыцким аулам, лежавшим за р. Терек по дороге в Персию. Для этого обещанием переселить в Россию итальянцев и «других», он обманул сначала Опекунскую Канцелярию, потом получил незаконное дозволение от астраханского губернатора пробраться на Кавказ, а там, очевидно, думал он, не трудно будет таким же обманным способом усыпить бдительность пограничных властей, чтобы проникнуть в персидские пределы, благо они находились не далеко от Кизляра. Но как раз тут именно, когда он чуть не достиг своей цели, раскусили его затаенный замысел.

Не имея власти дать ему просимое дозволение, генерал Потапов (19 октября) адресовался за разрешением к губернатору Бекетову. Но последний, ответив, что, так как на сделанное еще 10 сентября по поводу просьбы его представление из Канцелярии Опекунства иностранных разъяснения не последовало, то «отпуском его за границу удержать». Не дождавшись результата своим домогательствам, Вандин поспешил улизнуть из Кизляра и больше на горизонте кавказской колонизации не показывался.

Для чего и по какому поручению действовал он так подозрительно — архивные сведения не указывают. Можно лишь догадываться, что первоначальная миссия его имела некоторую связь с поселением на далекой и плохо еще закрепленной русской властью южной окраине так называемых «евангельских братьев» (Brudergemeinschaft) с целью распространения среди туземцев лютеранской проповеди.

Как известно, общество этих братьев сформировалось под покровительством графа Цинцендорфа, в верхней Саксонской Лузации, где моравско-богемские братья основали в 1722 году колонию «Гернгут». В 1727 г. завели они у себя общинно-церковный порядок управления и положили тем начало «Братского евангелического общества», в состав которого вскоре вошло немало других подобных общин, вследствие чего около 1760 г. для управления всеми ими была избрана особая Дирекция (Directorium), под ответственностью «Синодального собрания», как высшей представительной власти всего братства.

Главной целью последнего было обращение язычников в христианство. Ради этого, прослышав об изданном императрицей Екатериной II манифесте,

приглашавшем всех иностранцев селиться на пустопорожних землях в России и задумывая насадить евангелическую проповедь среди разнообразных обитателей обширной Астраханской губернии, — в октябре 1763 г. уполномоченные Дирекцией Лаприц и Лорец прибыли в Петербург и представили лично государыне и Свят. Синоду письменные сведения о своей вере и о положении братства. Рассмотрев их, последний нашел, что «учение сего общества с лютеранским, а паче с реформатским сходствует с малою только отменю: в обрядах же они и честном обхождении христианском уподобляют себя первенствующим христианам и называются Обществом Евангелическим». В виду этого, высочайшим указом 11 февраля 1764 года им было дозволено устроить в Российской империи поселение по их выбору.

В том же году Синодальное собрание братства одобрило мысль об учреждении центрального миссионерского пункта для обращения язычников между Царицыном и Астраханью, командировав для заключения окончательного с русским правительством договора магистра Петра-Конрадо Фриза и духовно-гражданского главу будущего поселения — «форштенгера-привитера»¹⁵⁾ Даниэля Фика. Выговоренные условия были для них весьма выгодными. Им предоставлялось право выбора лучшего качества земли не менее 4 тыс. десятин, иметь собственное управление, свою полицию, не подчиняясь воинским и гражданским управлениям губернии, и чинить свой суд и расправу, хотя по русским законам и «под единственным надзиранием астраханского губернатора». Кроме того, они беспрепятственно и без всякого разрешения местного начальства могли производить свободную торговлю, заводить фабрики и заводы, заниматься винокурением и варкой пива для собственного употребления и невозбранно пользоваться рыбными и звериными ловлями. Им дана была еще 30-летняя льгота от всяких податей и натуральной повинности, изъятие навсегда от повинности рекрутской и свободный выезд из России, с отдачей $\frac{1}{5}$ части всего нажитого в казну, в случае окончательного прекращения там всех своих дел.

В июне следующего года прибыли в Петербург из Гернгута пять первых поселенцев под руководством брата Вестмана и, получив из Канцелярии Опекунства иностранных надлежащие бумаги, подтверждавшие дарованные привилегии, тронулись через Москву, Нижний-Новгород, по Волге в Саратов. От дирекции поручено было им избрать окончательно место для поселения.

Саратовский воевода отпустил с ними землемера и дал для провозждения казачий конвой. В августе братья прибыли в Царицын и в 28 верстах от последнего, при впадении р. Сарпы в Волгу, около горного кряжа Ергеней, облюбовали себе урочище в степной и безлесной равнине, где отмежевали им 4443 дес. удобной и 11378 дес. неудобной земли с примыкающим к ней Сарпинским островом в 1000 дес. поемных лугов и леса.

Выбрали они это безлюдное место и прозвали его Сарептой потому, должно быть, что оно напоминало им о библейской Сарепте, куда чрез пустыню послан был Богом пророк Илия уверить вдовицу сидонскую, что «мука ее не оскудеет и елей не умалится». Почему на общественной печати и высочайше утвержденном в 1804 г. гербе своего селения они изобразили на одной стороне сосуд с колосьями пшеницы, а на другой масличное дерево с елейной кружкой под ним.

Следом за ними в конце того же августа приплыл плот казенного леса, и командированные братья приступили к необходимым для помещения будущих

---

¹⁵ Очевидно, пресвитера, т. е. священника.

поселенцев постройкам с помощью наряженных от царицынских властей плотников и рабочих: устроили на р. Сарпе запруду, разбили огород, засеяли озимую рожь и подняли часть степи под яровые посевы.

На следующий год в сентябре явился первый транспорт поселенцев в 50 братьев и сестер, а в 1768-69 гг. остальные три транспорта до 160 душ об. п. Помимо частных и общественных домов, эти пришельцы открыли магазин, табачную фабрику, гостиницу с постоянным двором и кондитерскую с пряничным печеньем (сарептские пряники).

Для ограждения от нападения кочевников с осени 1768 г. колонисты приступили на свой счет к укреплению местечка, окопали его с трех сторон, под руководством присланного военного инженера, глубокими рвами и обнесли валом с палисадом и шестью батареями, 12 орудий для которых отпустили им из Царицына с прислугой и полуротой солдат, составившей там постоянный гарнизон.

В последующие три года завели они свечной и кожевенный заводы, лесопильную и мукомольную мельницы на р. Сарпе, красильню, бойню, винокурный завод с конюшней для откармливания бардой скота, провели из соседних гор родниковую воду и устроили на церковной площади фонтан, откуда провели ее во все квартиры семейных поселенцев; соорудили молитвенный дом и школу. Наконец, в 1772 г. доктор Вир открыл в 8 верстах от Сарепты родник с целебной водой, окрестив его в честь царицы Екатерининским источником, который до начала прошлого столетия служил доходной для сарептян статьей, привлекая к себе страждущих и больных из окрестных русских поселений, — пока славу его не затмили кавказские курорты.

Обеспечив, таким образом, себя со всех сторон, братья евангелисты стали помышлять и о захвате лучших и более доходных мест кавказской окраины. С этой целью в том же 1772 г. они возбудили пред правительством ходатайство о разрешении им завести селение на р. Тереке, «послав туда прежде поверенных своих осмотреть те страны и найденные тамо целительных вод колодези», и «просили при этом ее императорское величество, дабы им при сем осмотре доставить безопасность».

Таким образом, на первых же порах духовные общинники, проводившие время только в душеспасительных трудах и молитве, показали ясно истинные намерения своего в Россию переселения. — Не проповедование слова Божия и распространение среди инородцев Христова Евангелия привлекло их сюда, а исключительно нажива и захват мест обогащения.

Им известно было, что недалеко от Червленского казачьего городка, по левой стороне Терека, во владениях подвластного нам князя Брагунского, близ ныне существующей станицы Барятинской (по прежнему Горячеисточинской), в 18 вер. от г. Грозного, находились так называемые «Теплые колодцы» или, по старинному «Теплая река», где купался и Петр Великий, по возвращении в 1722 г. из Персидского похода (почему они были названы потом «Теплицами св. Петра»), привлекавшими больных почти со всей заволжской стороны¹⁶), ибо других

---

¹⁶ Эти горячие воды называются ныне Гребенскими и состоят из двух источников: западный св. Екатерины обслуживает устроенную тут на 150 мест для больных нижних чинов лечебно-санаторную станцию и восточный-железистый – расположенную близ станицу Барятинскую и частных лиц. По химическому составу воды эти относятся к серно-соляно-щелочным, а по количеству остатка (1,0023 грамма на 1 литр) – к индифферентным термальным источникам. Температура воды западной группы при выходе из родника = 96° по Цельсию. Дебет ее – 400 тыс. ведер в сутки. Для пользования водами имеются два бассейна, выложенные камнем и питающиеся прямо из источника. В верхнем пруду температура 45-31° Цел., в нижнем – 33-23° Цел. Источники эти излечивают: ревматизм,

источников на Кавказе в то время открыто еще не было, вследствие того, что нынешняя пятигорская группа вод, именуемая тогда урочищем Бештау (Пять Гор), входила во владения неподчиненной нам Большой Кабарды.

Очевидно, евангелисты рассчитывали прибавить к своим загорбистым рукам и эти колодцы. Желание их не только милостиво уважили, но высочайшим повелением 31 июля того же 1772 года предписано было астраханскому губернатору Бекетову — «в намеренном ими предприятии учинить им всякое вспоможение, подать лучшие к тому способы и потребною безопасностью их на сей случай снабдить». «Что же касается до учреждения и образа будущей тамо их селитьбы, то, по избрании места, соглася о сем с оными все обстоятельства», — губернатору повелевалось представить на благоусмотрение самой императрицы, «дабы ее императорское величество могла впредь и от покушения иногда к нашествию в те страны неблагоприянных и неустроенных тамошних народов их вовсе обеспечить». Иначе говоря, на избранном для поселения и эксплуатации месте, правительство обещало соорудить даже крепость с надежным гарнизоном ради охраны этих пришельцев, чтобы под покровительством пограничных властей лучше могли они обитать окружных поселенцев, и русских и туземных.

В апреле следующего (1773) года, с письмом от форштегера сарептской колонии Данилы-Ендрика Фика, прибыли в Астрахань четверо поверенных: Фридрих Ребели, Лоренц Берх, Конрад Нейц и Готфрид Грабша за «препровождением» царицынского батальона 2-й роты солдата Козьмы Засосова. Они подали губернатору «доношение», объявляя в нем, что будут «следовать для осмотра имеющихся за Терекком обоих горячих колодцев и вдоль до Моздока» для отыскания мест к «предбудущему поселению». Обрато в Сарепту уполномоченные предполагали, если возможно, возвратиться через Кубанскую степь, которая в ту пору находилась во власти крымского хана. «Но как они слышали, что в тех местах некоторые случайные опасности имеются и тамошние командиры о их братьях и их предприятиях знания не имеют», то просили губернатора «во исполнение изъясненного» послать с ними же в те места повеления, и снабдить их паспортами и «рекомендациями», также конвоем и проводниками для охранения, «а паче для того, как они иностранцы, которые без оного и обойтись не могут».

По распоряжению губернатора, отправили их из Астрахани до Кизляра на трех татарских пароконных подводах, «с платежом собственных их прогонов по 1 коп. за версту на лошадь», под конвоем того же Засосова и 4-х астраханских казаков, «конных и оружейных», а дальше до Моздока и для обратного следования в Сарепту строжайше было предписано комендантам пограничных крепостей давать им в охрану казаков «сколько по тамошним обстоятельствам безопасность требовать будет».

Так берегли у нас всяких иностранцев, назначая иной раз целые отряды пехоты и конницы, даже с артиллерией ради их спокойствия, нисколько не заботясь о тягости и отдыхе и без того обремененных разными командировками, караулами и беспрестанными от набегов горцев охранениями немногочисленных линейных войск.

К счастью нашему, попытка эта не удалась. Надвинувшиеся в следующем году шайки Пугачева разорили Сарепту, и братьям-евангелистам пришлось

сифилис, воспаления почек и седалищного нерва, многие женские болезни и накожные: экзему, псориаз.

думать не о переселении на благодатный Кавказ, а о восстановлении своих разграбленных жилищ и заводов.

Однако на этот раз и само правительство не прочь было воспользоваться возбужденной ими мыслью о заселении пустующих степей этого края. Осуществить ее хотели вскоре после устройства в 1778 году новой сторожевой линии между Моздоком и Азовом, которая прикрывала своими десятью крепостями Придонские и Кумскую степи от вторжения горцев со стороны Кабарды и Кубани. На первых порах предполагалось поселить там 4322 немецких семьи для того, главным образом, чтобы обеспечить на будущее время расположенным на этой линии войскам скорую и дешевую доставку провианта и фуража, так как перевозка последних из Астрахани морем на судах, а дальше от Фельдшанской пристани на татарских арбах, была сопряжена с большими трудностями и расходами. С поселением же там колонистов и развитием у них в широких размерах хлебопашества, в чем правительство наше, увы! не проявляло ни малейшего сомнения, — все это де будет находится под руками.

Безусловно, затея казалась очень выгодной... но только на бумаге, ибо на деле она была совершенно неосуществимой, особенно при условии колонизации этого района неопытными иностранцами, которых к тому же пришлось бы еще защищать особыми командами во время их полевых и сельскохозяйственных работ.

Если при первом поселении на Волге не сумели они устроить себя прилично и безбедно с большой правительственной поддержкой и целым штатом приставленных к ним опекунов, обязанных так или иначе заботиться о нуждах и печалях, — то среди глухих дебрей Кавказа, в отдаленности от столичной опеки и отсутствии надлежащего надзора со стороны местных властей, где часто приходилось испытывать тяжелую нужду в продовольствии и предметах сельскохозяйственного обихода даже издавна поселенным там и уже привыкшим к суровой боевой обстановке казакам, — колонисты эти по своей неопытности и беспечности, неминуемо должны были бы впасть в нищету, а не только помогать правительству в хлебном довольствии тамошних команд. Напротив, пришлось бы, пожалуй, их еще снабжать хлебом и скотом, чтобы не умереть им с голоду. А это навязало бы лишнюю обузу на пограничных властей, уже и так обремененных непосильными обязанностями.

Страннее всего то, что намеревались перевести на Кавказ тех из них, которые не успели обзавестись основательно в Саратовском крае и не могли уплатить числящегося за ними по вызову их из-за границы долга. Во избежание «излишних расходов», — после полученных ими «довольных милостей», астраханский губернатор в составленной им смете предполагал ограничить на этот раз сумму пособий им в том размере, какая была выдана только что переведенным в 1778 году с Волги на Терек казакам, а именно: до 20 руб. на семью, думая, что колонисты могут переехать в отдаленный Кавказский край на тех же лошадях и с теми же пожитками, какие у них имелись. Но, доносил он 29 октября 1780 г. генерал-прокурору кн. Александру Алексеевичу Вяземскому, — «во время моего объезда колоний, самолично мог я заметить, что колонисты, сверх всей своей беспечности, нисколько не умеют обращаться с лошадьми, которых я положил дать только тем, у кого их доставать не будет на теперешнем месте». «Не имея ни порядочной упряжи, не зная, каким образом ее поправить, едва ли, — говорил он, — могли они соблюсти своих лошадей чрез такой дальний путь и доведут ли их туда по незаселенной и дикой степи, или по крайней мере придут туда с чувствительным уроном». В виду этого, в дополнение к

прежнему исчислению, он предлагал князю: «Если угодно будет приказать перевести их на тех лошадях, которые им назначаются в работу, то, как они все будут дикие и невыезженные из калмыцких заводов, — легко станется, что в пути они их перепортят и многих до места не доведут». А «по приходе на новые места, по причине переменного климата, должно ожидать большего упадка в лошадях, на место коих придется снабжать хозяев новыми». Чтобы избежать такого расхода, Якоби советовал перевести колонистов наймом, полагая для этого на каждую семью не менее 25 руб., что на всех 4322 семьи, включая в то число поселенцев и отдаленных колоний, потребовалось бы с небольшим 108 тыс. руб. И только по прибытии на Кавказ в районе их селений снабдить их лошадьми, на что, по его мнению, исчисляя стоимость каждой в 12 руб., следовало добавить еще около 80 тыс. руб. Да надо оставить в запас, писал он, «хотя бы третью долю против сметы», на случай упадка у них рогатого и мелкого скота.

Первые партии колонистов предполагалось отправить ранней весной, «когда протоки в берегах своих установятся». Они могли пройти пространство от Саратова до Кавказа не ранее шести недель. Значит прибыть туда уже тогда, когда весенний сев там кончался. Чтобы не оставаться им лето бесполезными и без сева, губернатор «полагал до их прихода распахать на каждую семью по одной десятине и засеять их яровым хлебом, дабы по прибытии своим они нашли свои нивы готовыми». Это необходимо было сделать потому еще, что сами колонисты не могли «в скорости» обработать на заморенных лошадях кавказские новые, нетронутые, твердые земли, которые поддавались только воловьей пахоте. Обработка одной десятины таким способом стоила тогда 4 руб., а на всех 4322 нужно было затратить 17,288 руб.

Но этого мало. Пока-то они успеют обзавестись всем необходимым, чем-нибудь им надо было питаться, ибо на старых местах запасов у них не оказалось. Поэтому, говорил Якоби, придется выдавать им казенный провиант по крайней мере в течение двух лет.

Наконец, писал он князю в заключение: «соседи тамошние никогда не бывают спокойны. Хотя кабардинцы довольно усмирены, но кубанцы и прочие народы, зависящие от управления крымского Шаган-Гирея хана, столь наглы, что нередко нападениями своими простираются до самых донских пределов, и ни одного лета и осени не проходит, чтобы они спокойно пробыли. При переводе на линию колонистов, не оставят они сделать на них своего покушения. Ежели они отгонят табун, или случится моровое поветрие, то необходимо будет в первые годы поселения снабдить их скотом от казны». Почему просил он для таких случаев назначить еще в запас сумму «какая заблагорассудится», передав ее в его губернаторское распоряжение.

К сожалению, в местных архивах не сохранилось данных, была ли исчислена потребная на переселение колонистов сумма и в каком размере. По-видимому, кн. Вяземский не сообщил ее Якоби, в виду отказа правительства от этой безумной затеи, которая не могла бы принести ни какой пользы краю, кроме вреда и непомерных затрат.

Если принять во внимание все сделанные губернатором предположения, то пришлось бы употребить на это дело единовременно не менее миллиона руб., да на ежегодное пополнение скотской убыли, хотя бы по 25 руб. на семью, около 100 тыс. руб. Но в течение какого времени потребовалось бы производить последний расход, того, конечно, никто не мог определить точно, вследствие постоянного

непокойствия на Кавказе, окруженном со всех сторон враждебно настроенными воровскими племенами.

Прекратиться такой расход мог тогда только, когда была бы покорена эта страна, что, как известно, совершилось лишь в 1864 году, т. е. спустя 80 лет после замышленного предположения. Судите сами, во сколько бы обошлась за это время государству такая «широкая» колонизация?...

Это обстоятельство, видимо, и удержало правительство продолжать дальнейшие попытки к заселению Кавказа на государственный счет европейскими выходцами. С усмирением горцев и наступлением сравнительного там спокойствия, они сами добровольно не замедлили заполнить лучшие места в Кубанской и Терской областях, стеснив своими обширными колониями земельное пользование коренных жителей — инородцев и особенно казаков, имеющих ныне 5-7 дес. надела, хотя у них требуется являться на службу во всей исправности и на своем коне, чего избавлены колонисты, обладающие участками и теперь от 20 до 30 дес. на душу. Справедливо ли это?...

П. Л. Юдин.

Русский архив. – М.: Синодальная типография, 1915, кн. I, с. 474-494.